

А. Г. Мец, Л. М. Видгоф
Заметки к биографии О. Мандельштама
(по архиву С. К. Вишневецкой)

1. Маранцы

Федор Яковлевич Маранц (1897–1952) и его жена Елена Яковлевна Маранц (до-брачная фамилия неизвестна, 1896 – после 1952) – знакомые Мандельштамов времени воронежской ссылки. Их упоминали в своих воспоминаниях и Н. Я. Мандельштам, и Н. Е. Штемпель¹. Биография обоих Маранцев изобилует лакунами, однако основные моменты восстанавливаются благодаря мемуарным, эпистолярным и архивным свидетельствам. Е. Я. Маранц была подругой Софьи Касьяновны Вишневецкой с киевских лет, о чем свидетельствует письмо отца Н. Мандельштам, Я. А. Хазина: в 1926 году Вишневецкая и Е. М. Фрадкина² приезжали к Маранцам в Бобровицы из Москвы гостить на масленицу.³ В те же ранние киевские годы Вишневецкая была подругой Н. Мандельштам и вышла замуж за ее брата Евгения.⁴ С Вишневецкой Е. Я. Маранц поддерживала переписку все последующие годы, но писала редко. В одном из последних писем она послала Вишневецкой фотографию надгробного камня Ф. Я. Маранца и сообщила дотоле неизвестную исследователям дату его смерти: 23 дек. 1952 (там же – уточненная дата рождения: 12 апр. 1887)⁵. Укажем малоизвестные источники к биографиям Маранцев.

На сайте Объединенной научной медицинской б-ки ВГМУ им. Н. Н. Бурденко, в публ. «История библиотеки» сообщается: «Одним из организаторов библиотеки и первой ее заведующей стала Елена Яковлевна Маранц»⁶. Контекст позволяет допустить, что это произошло вскоре после перевода в Воронеж Юрьевского университета в 1918 г., но не ранее 1926 г., когда семья Маранцев жила в Бобровицах (см. выше). Здесь же на сайте приводится фотография без подписи, однако по ее местоположению

¹ Мандельштам Н. Я. Сочинения. В 2-х т. Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 147–149, 261, 303; Штемпель Н. Е. Мандельштам в Воронеже. М., 1992. С. 48–49; «Ясная Наташа»: Осип Мандельштам и Наталья Штемпель. М.; Воронеж: «Квартга», 2008. С. 51.

² Фрадкина Елена Михайловна (Моисеевна; 1902–1981) – театральная художница, в то время – жена Е. Я. Хазина.

³ Письмо Я. А. Хазина к Н. Я. Мандельштам из Киева в Ялту, ок. 17 марта 1926 г. // Русская литература. 2015. № 4. С. 140. В публ. А. Меца: Из архива О. Э. Мандельштама: Надежда Мандельштам. Письма родных (1921–1935).

⁴ Этот брак продолжался до 1924 г., когда Вишневецкая ушла от Хазина к Н. А. Адуеву.

⁵ РГАЛИ. Ф. 2441 (С. К. Вишневецкая). Оп. 1. Ед. хр. 387.

⁶ <http://lib.vrnngmu.ru/o-biblioteke/istoriya-biblioteki2/>

в статье можно уверенно судить о том, что на ней запечатлена Е. Маранц (сидит за столом).

В Воронеже у Маранцев имелись родственники. Одну из них, сестру Елены, Н. Е. Штемпель упоминала в связи с шуточным стихотворением Мандельштама «О, эта Лена, эта Нора...»: «У меня была сослуживица по Институту Гигиены и Санитарии¹, немоложавая женщина Нора Яковлевна Эпштейн. Очень важная и тонкая дама. Она ярко красила губы, хорошо одевалась, работала лаборанткой, но ее муж был главный врач клинической больницы², он относился к работникам ИТР (инженерно-технические работники), имел благодаря этому ряд привилегий, жили они в новом, только что выстроенном доме в Итээровском переулке (ныне ул. Чайковского), что придавало Норе Яковлевне еще больше важности. Тут же в институте работала и ее сестра Елена Яковлевна, она была попроще, поскромнее, ее мужа Федю, агронома (в прошлом скрипача), очень тихого симпатичного человека, Осип Эмильевич знал еще по Киеву и хорошо к нему относился. Даже изредка днем на несколько минут Мандельштамы заходили к нему»³.

Е. Маранц за столом. Фото с сайта Воронежской б-ки ВМГУ

¹ О своей работе в Институте гигиены и санитарии (около 1933–1934 гг.) Н. Штемпель вскользь упоминает в своей «Автобиографии» (Штемпель Н. Е. Указ. соч. С. 87).

² В своей работе П. Нерлер дополняет эти воспоминания сведениями о том, что мужем Норы был брат Ф. Я. Маранца, Стефан Яковлевич Маранц (Нерлер П. «У чужих людей мне плохо спится...»: Воронежские адреса Осипа Мандельштам // Текст и традиция. ИРЛИ РАН, 2016. Вып. 4. С. 242). Автор поспешил подать эту информацию как установленный факт, чему на самом деле подтверждений нет, а сомнения есть: у С. Маранца и Н. Эпштейн, если они были супругами, следовало бы ожидать одинаковые фамилии. Кроме того, в архиве Вишневецкой среди адресатов значится Федор Эпштейн – вероятно, сын Н. Я. Эпштейн (он фигурирует вместе с Е. Я. Маранц). Его фамилия, по-видимому, унаследована от отца – мужа Н. Эпштейн.

³ Штемпель Н. Е. Указ. соч. С. 48–49.

В сборнике «История библиотеки в лицах» Новосибирской областной государственной научной библиотеки (где она работала после эвакуации из Воронежа) приведен год рождения Е. Я. Маранц – 1896 и данные о ее ранней биографии – окончила факультет Высших женских курсов в Киеве, где в дальнейшем работала. В Новосибирской библиотеке работала с 1946 г. Переведена в Ставропольскую обл. библиотеку в августе 1952 г.¹

Наибольшее количество сведений о Ф. Я. Маранце было опубликовано О. Г. Ласунским по данным анкеты из архивно-следственного дела 1938 г.² Родился в Вене. Учился в Бонне, в сельхозакадемии. Какое-то время работал в Киеве инспектором Сахаротреста. В начале 1930-х гг. был заведующим отделом Крымской конторы концессии Агро-Джойнт. В момент ареста занимал должность агронома-плановика воронежского Сортсемтреста (с апреля 1932 г.).

По-видимому, Мандельштамы установили контакт с Маранцами вскоре после своего появления в Воронеже в 1934 г., получив адрес от С. К. Вишневецкой. С братом Ф. Маранца, Стефаном, врачом областной больницы, Н. Мандельштам столкнулась в инфекционном отделении, где она лежала с тифом вскоре после приезда в Воронеж в 1934 г.³ Перечисляя «первослушателей» – людей, которым поэт читал свои только что написанные стихи и был заинтересован в их оценке – Н. Мандельштам называет и Ф. Я. Маранца⁴. Высланный С. Б. Рудаков в октябре 1935 г. в поисках работы обращается (очевидно, с рекомендацией Мандельштамов) к Маранцу и фиксирует встречи в своих письмах к жене⁵.

В 1936 г. Мандельштамы устроили жить А. А. Ахматову на время ее приезда в Воронеж (с 5 по 11 февраля) в квартиру Маранцев (Поднабережная, д. 59, кв. 29).

2. Из писем Н. А. Адуева

Николай Альфредович Адуев (при рождении Рабинович, 1895–1950) родился и рос в С.-Петербурге. Его ранняя биография в справках о нем в изданиях неполна

¹ Вып. 2. Новосибирск, 2013. С. 32–33. В первом выпуске (2009), посвященном 80-летию библиотеки, была опубликована статья Е. Маранц «Страницы истории».

² См.: Ласунский О. Г. Литературный Воронеж: имена и факты. Эссе, воспоминания, этюды. Воронеж, 2015. С. 37–45. Ранее те же сведения печатались: Он же. Поединок // Воронежский курьер. 1991. 27 ноября. № 142. С. 4. Дело Маранца было прекращено решением Верховного суда 28 сент. 1939 г.

³ Мандельштам Н. Я. Указ. соч. С. 206.

⁴ Там же. С. 147–148. Она пишет: «В Феде была та внутренняя гармония, которой отличаются люди, слышащие музыку. Со стихами он столкнулся впервые, но его музыкальное чутье делало его лучшим слушателем, чем многих специалистов».

⁵ О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936) / Подготовка текста Л. Н. Ивановой, А. Г. Меца; Комментар. А. Г. Меца, Е. А. Годдеса, О. А. Лекманова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. 1993. СПб., 1997. С. 95, 96. См. также с. 124, 138, 139, 174.

и частично неточна. Существующие справки говорят о том, что он обучался в Тенишевском училище. Однако сам он в своей «Автобиографии» Тенишевское училище не упоминает вовсе, но указывает, что окончил гимназию С. А. Столбцова (Невский пр., 102) в 1913 г.¹ В статье, посвященной истории гимназии, Адуев назван среди «известных» выпускников². В 1914–1916 гг. учился на юридическом факультете С.-Петербургского университета. Он был освобожден от призыва в армию по состоянию здоровья, «но в <19>16 году оставил Ун-тет и поехал на театр военных действий в качестве работника общественной организации по устройству беженцев, и работал в городах Полоцке и Двинске». В Двинске в 1917 году после февральской революции «работал начальником 3-го отделения милиции, а с мая по август 1917 года – там же, начальником отделения угрозыска по борьбе со спекуляцией продовольствием»³. В конце 1917 г. переехал в Москву, занимался литературной деятельностью. Некоторое время был мужем московской поэтессы Марианны Ямпольской (псевдоним М. Н. Яковлевой).

С 1924 по 1932 год (приблизительно) Адуев был мужем С. К. Вишневецкой. Примат семейных связей прозрачен в книжке стихов Адуева для детей «Поклеп», иллюстрированной С. К. Вишневецкой и Е. М. Фрадкиной (женой Е. Я. Хазина). В письмах и телеграммах к жене периода этого брака отразились моменты его контактов с Мандельштамами.

Н. Адуев и С. Вишневецкая. Около 1924 г.

¹ РГАЛИ. Ф. 1847. Оп. 1. Ед. хр. 188. Л. 5.

² http://blog.trud.ru/users/vladimir_spb/post425585219/

³ РГАЛИ. Ф. 1847. Оп. 1. Ед. хр. 188. Л. 5.

В конце ноября 1927 г. Адуев и Илья Львович Сельвинский (Селевинский, 1899–1968) прибыли – по-видимому, по приглашению Мандельштамов – в Детское Село, где Мандельштамы жили с ноября 1926 и до весны 1928 г., и поселились в их комнатах пансионата в Лицее (№ 7)¹, где работали над своими произведениями, предназначенными для сборника конструктивистов (активными участниками группы которых были оба) под названием «Бизнес» (вышел в 1929 г.). Мандельштамы же в это время были в поездке в Сухуме, вернулись в Ленинград не позднее 11 дек. 1927 г. Пребывание Адуева и Сельвинского в Лицее отразилось в письме Адуева к Вишневецкой, открытке и телеграмме этого времени.

30.XI.1927. Почтовая карточка. «Только что прибыл в Детское. Устроились пока в квартире МАНДЕЛЬШТАМОВ. <...> Николай»².

1. XII. 1927. «Пятница, 1 / XII.»³ <...> Молим всех святых, чтоб Мандели не приехали 10-го как обещали. У них дивно. Для работы у каждого огромная комната – едим вместе в первой, спим вместе во второй. Знакомых – ни души кроме поэта Спасского, телефонов нет. С утра гимнастика обтирание и завтрак (нам прислуживает и готовит манделева “экономка“), затем с 11 до 4-х работа»⁴.

17. [XII ?]. 1927. Телеграмма. Из Ленинграда в Могилев. «Останусь в Ленинграде ввиду скорого возвращения Мандельштамов»⁵.

В январе 1929 г. Мандельштамы находились в Киеве, где жили у родителей жены. В это время Мандельштам писал М. А. Зенкевичу: «Это письмо Нади под мою диктовку. Она приехала и сразу слегла. Похоже, что ее будут оперировать в Киеве. Лечит В. Гедройц – ставшая здесь хирургом-«профессором». Аппендицит. Какой неизвестно, и неизвестно, есть ли что еще кроме аппенд<ицита>. Но резать нужно»⁶.

Адуев, оказавшийся в то же время в Киеве и навещавший Мандельштамов, пишет жене:

12 янв. 1929 г. (дата киевского почтового штемпеля): «У Мандельштамов был, никакой операции не производится пока-что, Надя лежит одетая, даже встает, О.Э. был весьма смущен и объяснил, что *снижают* температуру – а когда снизят то будут опери-

¹ Летом 1927 г. к Мандельштамам приезжала и гостила около 2 недель Е. М. Фрадкина, жена Е. Я. Хазина (устное сообщение А. Мецу). В разговорах этого времени с Мандельштамами, по ее воспоминаниям, обсуждался В. Я. Парнах.

² РГАЛИ. Ф. 2441. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 1.

³ Помета ошибочна. 1 дек. 1927 г. – четверг.

⁴ РГАЛИ. Ф. 2441. Оп. 2. Ед. хр. 29. Л. 1. Спасский С. Д. (1898–1956) – поэт и прозаик.

⁵ Там же. Ед. хр. 30. Л. 5.

⁶ О болезни и операции Н. Мандельштам см. письма № 120, 121, 123 и примеч.: Мандельштам О. Э. Поли. собр. соч. и писем: Т. 3. СПб.: «Гиперион», 2017.

ровать<, > что-то слава богу не похоже на “гнилой аппендицит” при котором надо резать в 24 часа... Вид у Нади превосходный. Собирается с нами в кино»¹.

[без даты] «Был еще раз у Мандельштамов. Надя бегает, ходит в кино – одним словом – как я тебя и предупреждал – очередной мандельблефф!»²

17 янв. 1929 г. «17/ I 29 г. <...> Мандельштам просит денег, но у меня осталось мало, а он все равно где-нибудь достанет, а мне не отдаст»³.

18 янв. 1929 г. (датируется по киевскому почтовому штемпелю): «Звонил Мандельштам. Он решил скоро делать операцию и просит сегодня заехать – очевидно просить деньги. Принужден буду ему отказать, но если получу 75 рублей <от> Межеричера – то рублей 30–40 одолжу ему. <...> Жду не дожусь Бизнеса! Скоро ли вышлешь? Как обложка Тышлера?»⁴.

12 мая 1929 г. Адуев пишет жене из Москвы: «Была ужасная история с О. Мандельштамом: Заславский написал против него фельетон, в котором вновь поднимает забытое горнфельдовское дело и называет его развязным халтурщиком⁵. Первый к кому Осип Эм. обратился – был я. Он был в состоянии близком к самоубийству. И вот с помощью Олеси – мы собрались у Всеволода Иванова решить – как протестовать. Возмутительно было то обстоятельство, что тот фельетон был помещен ни больше ни меньше как в нашей же ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ, цель которой – помощь каждому писателю, а не его шельмование. И вот все собравшиеся (фамилии ты прочтешь в письме)⁶ поручили мне составить ответ, что я и сделал, причем мне страшно мешал сам Мандельштам<, > с истерикой пришедший ко мне с утра того дня, когда я должен был сдать письмо. Потом была еще борьба<, > ибо редакция<, > чтобы обелить себя – решила дать ответить тут же Заславскому, предоставляя ему таким образом слово во второй раз и отдавая ему предпочтение перед нами, хозяевами газеты (она издается Федерацией). Пришлось нажимать, спорить – в результате победа за нами. Прочти письмо, хорошо ли я написал. Все очень довольны, а я рад что этот случай приобщил меня хотя бы и “формально” к лучшим именам в Союзе»⁷.

¹ Ф. 2441. Оп. 2. Ед.хр. 30. Л. 13.

² Там же. Л. 42.

³ Там же. Л. 14.

⁴ Там же. Л. 15. Межеричер Леонид Петрович – соредатор журнала «Крокодил». «Бизнес» – сборник работ литературного центра конструктивистов, в нем были помещены статьи Адуева. Операция Н. Мандельштам была сделана, по-видимому, не ранее 19 янв.

⁵ Речь идет о фельетоне Д. И. Заславского «О скромном плагиате и о развязной халтуре», помещенном в «Литературной газете» за 7 мая (и в тот же день – в газ. «Вечерний Киев»). Речь идет об истории с обвинением Мандельштама в плагиате в связи с изданием книги «Тиль Уленшпигель» в сентябре 1928 г.

⁶ Письмо 15-ти московских писателей вместе с письмом Мандельштама было помещено в номере «Лит. газеты» за 13 мая. Подписали: К. Зелинский, Вс. Иванов, Ник. Адуев, Б. Пильняк, М. Козаков, И. Сельвинский, А. Фадеев, Б. Пастернак, В. Катаев, К. Федин, Ю. Олеша, М. Зощенко, Л. Леонов, Л. Авербах, Э. Багрицкий.

⁷ РГАЛИ. Ф. 2441. Оп. 2. Ед.хр. 30. Л. 24. По цитированному письму видно, что именно Адуев был инициатором протеста московских писателей против травли Мандельштама. В дальнейшем он принимал участие в заседаниях конфликтной комиссии ФОСП по этому поводу 21 мая и 10 июня, см. Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама. 2-е изд., испр. и дополн. Toronto: TSQ, 2016. С. 326 и 329.

«В начале октября 1936 года Адуев побывал в городе Воронеже, где провел творческую встречу с местными писателями, поделился с ними собственным литературным опытом, ознакомил их со своими последними произведениями»¹. В это время О. Мандельштам находился в Воронеже, однако сведений о возможной встрече с Адуевым в указанное время нами не получено.

¹ Ласунский О. Г. Адуев Н. А. // Воронежская историко-культурная энциклопедия. Изд. 2-е, доп. и перераб. Воронеж, 2009. С. 11.